

ПРО ПТИЦ

Сентябрь 1956

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

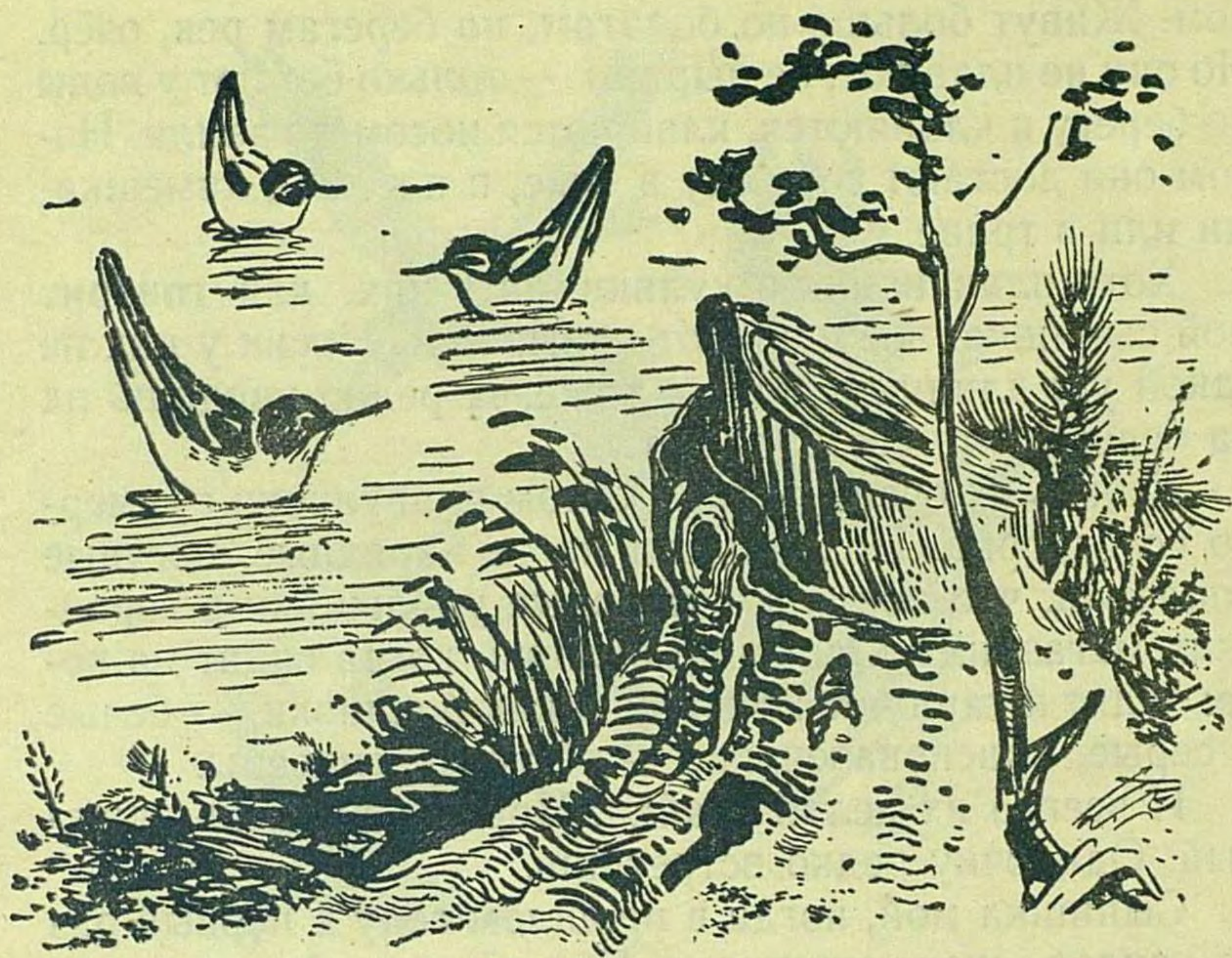

ПРО ПТИЦ

Рисунки В. Фролова

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1956

Вит. Бианки

ПЛАВУНЧИК

Преудивительная водится у нас птичка. Называется — плавунчик.

Где бы вы ни жили летом — на Волге, на Кавказе или в жарких степях Казахстана, под Ленинградом, под Москвой или на Камчатке, — всюду вы можете встретить этих птичек. И всегда неожиданно. А завтра придёте туда, где их видели, — их уже нет.

Ищите их на море, в озере, в реке, в пруду. Даже если около вашего дома есть просто большая яма, и тут вам могут попасться на глаза плавунчики — была бы в яме вода.

Птички эти из куликов. Кулики — стройные такие птицы, на очень длинных ногах и с очень длинным но-

сом. Живут больше по болотам, по берегам рек, озёр. Но они не плавают, не ныряют — только бегают у воды по берегу и кланяются, кланяются носом до земли. Носом они достают себе еду в тине, в иле, под камешками или в траве.

Хотя плавунчики и кулики, да у них, как говорит мой сынишка, всё шиворот-навыворот. Носик у них не такой уж длинный, ножки тоже. И редко увидишь их на берегу: они всё плавают.

Узнать их очень легко. Ростом плавунчики примерно со скворца. Похожи они на те нарядные, цветные поплавки, что покупают молодые удильщики в городских магазинах. Особенно похожи, когда сидят на воде: сидят и танцуют на волнах, как поплавки, — белые и серые, красноватенькие — пёстро расписаны.

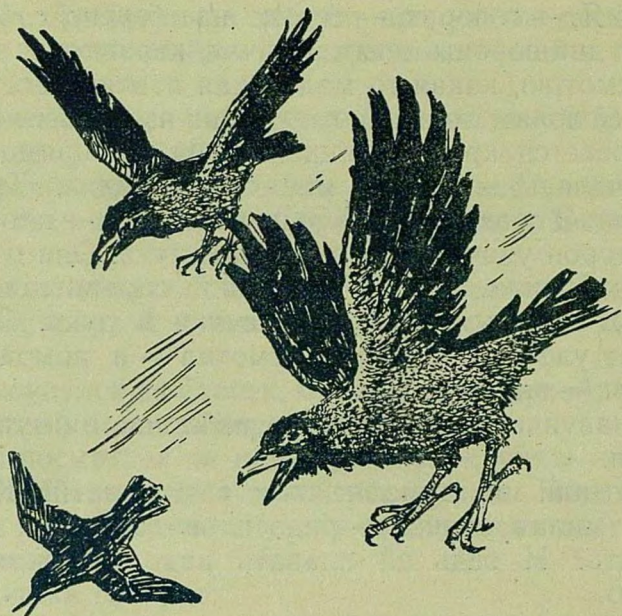
И всегда их целая стайка. Народ они очень дружный. Одиночку редко встретишь.

Сынишка мой, когда в прошлом году в первый раз их увидел, очень удивился. Пришёл домой и говорит:

— Что за птиц таких я видел — просто не пойму! Идёшь — все птицы от тебя удирают, разлетаются. А эти и не думают. Плавают у самого берега. Я подхожу — они даже отплыть подальше не хотят. Кувыркаются, ни минуты не посидят спокойно: кружат жуками на воде. А то в чехарду начнут играть — прыгают друг через друга, перепархивают...

Жили мы прошлый год в деревне на Урале. Домик наш стоял на самом берегу реки Камы. И всё лето стайки плавунчиков плавали у нас перед глазами — прямо из окошек видно. Сегодня плавает стайка, а завтра исчезнет. Пройдёт два-три дня — другая стайка появится. И так всё лето.

— Вот бездельники! — удивляется мой сынишка. — Другие птицы всё на гнёздах сидят, птенцов выводят, а эти ничего не делают, только в чехарду на воде играют всё лето. Наверно, это петушки: красивенькие такие, яркие. У всех птиц самцы красивей самок. Наш Петька вон какой франт, а курочки — серенькие.

Я ему объяснил, что он ошибается. У плавунчиков как раз наоборот: петушки серенькие, а курочки — франтихи, ярко одеты. Далеко на севере, в тундре, весной курочки снесут яйца — и до свиданья! Улетают. Петушки одни на гнёздах сидят, детей выводят, потом учат их, как жить. А курочки-франтихи всё лето по всей нашей стране летают, путешествуют себе с места на место.

Сынишка мой говорит:

— Это просто какие-то птички шиворот-навыворот! А всё-таки я их очень полюбил, потому что они меня не боятся. Будто знают, что я их не трону и плохого им не сделаю. Хорошие они!

— Очень хорошие, — согласился я.

И вот раз утром прибегают мой сынишка домой с Камы — он рыбу ходил удить на реку:

— Смотрите, кого я принёс!

Лезет к себе за пазуху, вынимает оттуда живого плавунчика и пускает его на пол.

— Я, — говорит, — сидел на берегу с удочкой. Вдруг две вороны летят. Кричат, каркают. А впереди них, смотрю, какая-то маленькая птичка несётся. Вороны её ловят, схватить хотят. Она из стороны в сторону бросается, кричит. Увидела меня — и прямо ко мне. Примчалась — и в ноги мне. Села и сидит. «Туйк!» — говорит. Я сразу понял: «Защити меня!» — просит. Ну, я на ворон удочкой замахал, закричал. Они покружили, покружили, видят — со мной не справиться, и отлетели. Я нагнулся, взял плавунчика в руки. Он и не думает улетать. Я удочку смотал — и домой с ним. Вон он — видите, какой!

Плавунчик ходит себе по избе, нас ни чуточки не боится.

Думали мы, думали: что с ним делать? Конечно, такая милая птичка — радость в доме. Но чем её кормить? И ведь ей плавать надо. Держать дома трудно.

Решили выпустить.

В деревне-то, конечно, нельзя выпускать: тут кошки, собаки и те две вороны. Решили плавунчика отнести подальше.

Сынишка наклонился, взял его в руки. Он — ничего, пожалуйста! Точно век с людьми в избе жил.

Пошли мы с сынишкой за околицу, через поле — в лес. В лесу среди вырубки знал я такую большую яму с водой. Тины там, корму всякого птичьего много было. Днём туда разные кулики прилетали — покормиться, а на ночь — утки.

У этой ямы мой сынишка и выпустил плавунчика.

Плавунчик порхнул на воду, пискнул нам два раза: «Туйк, туйк!» — вроде, значит, «спасибо» сказал, «до свиданья» — и как ни в чём не бывало принялся жуком кружить по воде.

Долго мы стояли с сынишкой, любовались им.

Наконец я говорю:

— Ну, пойдём. Мама давно уж, верно, нас с обе-

дом ждёт. А плавунчик забудет нас, улетит отсюда на Каму — к своей стайке. Птица вольная — ей и так хорошо.

Ушли мы. Но я ошибся: плавунчик не улетел и не забыл нас.

Через два дня пришли мы с сынишкой на эту яму: уток я хотел настрелять. Спрятались мы в ёлочках на берегу.

Уж солнце за лес село. Тут вдруг что-то мелькнуло у нас над головой — и видим: плавунчик наш на воду садится!

Я высунулся из ёлочек, машу на него рукой: «Кыш, кыш, улетай отсюда скорей!»

А он посмотрел на меня, пискнул «Туйк!» — вроде «здравствуй» сказал — и плывёт к нам. Подплыл и у наших ног кувыркается, тину со дна носом достаёт — питается.

Сынишка говорит:

— Пойдём-ка, папа, домой лучше. А то ещё ты моего плавунчика вместо утки подстрелишь, как стемнеет.

Так и ушли, ни разу не выстрелив.

И больше уж не пришлось мне на этой яме охотиться: плавунчик наш привычку взял каждый вечер сюда прилетать. Плавает среди уток, кружит по воде. Ну, как тут стрелять! Дробь разлетится — ненароком и его заденет.

Пришла пора. С севера, из тундры, прилетели стайки плавунчиков: петушки со своими воспитанниками — молодыми. Поплавали немножко на Каме все вместе с франтихами-самочками и исчезли.

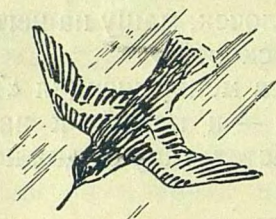
Это они в своё осеннее путешествие отправились — на зимовки. А зимовки у них — в далёких жарких странах: в Индии, в Индо-Китае и ещё дальше. Улетел с ними и наш плавунчик.

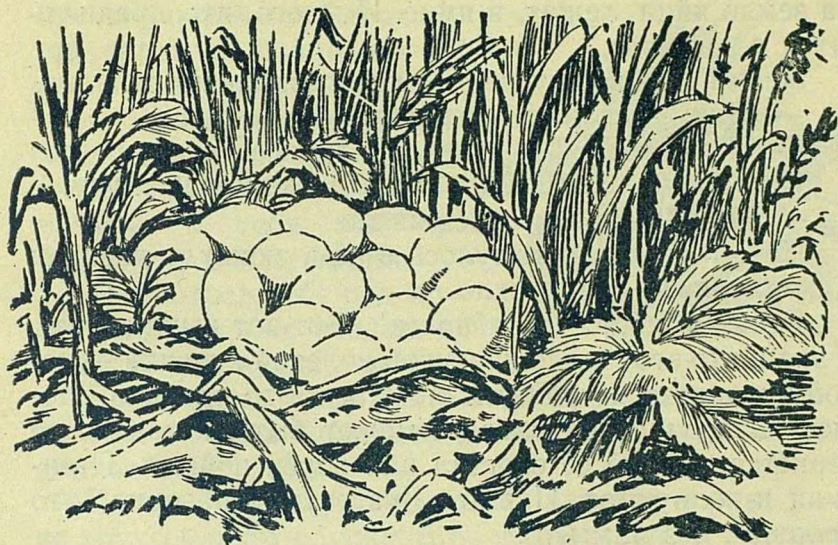
Но весной он опять прилетит.

И, пожалуйста, ребята: если где встретите его или других плавунчиков, не трогайте их, не пугайте! Они

ведь совсем беззащитные и, главное, очень уж верят людям. А ведь так приятно, так хорошо становится, когда в тебя крепко верят и ждут от тебя только хорошего! Особенно, когда так в тебя верит беззащитное, маленькое существо.

Пусть хоть птичка.

Н. Сладков

ПТЕНЦЫ-ХИТРЕЦЫ

Жил я в лесу. Совсем один.

Скучно одному. «Вот бы, — думаю, — щеночка себе завести. Весёлого, ласкового. Учил бы его уму-разуму — скуки бы и не было».

Но в лесу щенков нет. Собрался я в деревню. А дорога туда была не близкая.

Вышел я из лесу, пошёл полем. Шёл, шёл — устал. Присел отдохнуть.

Говорящие яички

Хорошо летом в поле! Кругом рожь шелестит.

Вдруг слышу: будто пищит кто-то тихонько во ржи...

Раздвинул колосья, а там — целое лукошко яиц! Лукошка-то, правду сказать, никакого нет: прямо

на земле яйца лежат, в ямке. И много их: двадцать штук я насчитал.

Лежат и — вот чудеса! — переговариваются.

— Пик! — скажет одно яичко.

— Пик-пик-пик! — отвечают другие.

Осторожно взял я одно яйцо и приложил к уху.

— Пи-ик! — испугалось яичко.

Потом что-то ворохнулось в нём, тюкнуло изнутри в скорлупку — и притихло.

Ясно: в яйце цыплёночек! Вот-вот выклюнется. Я знал, что это гнездо красивой полевой курочки — серой куропатки. Куропатка-мама куда-то пропала. Может быть, ушла надолго. А может быть, и совсем не вернётся: ястреб её скогтил или хорёк поймал. Птенчики и волнуются. Пищат. Чувствуют, наверно, что пропадут без мамы-то.

Положил я обратно яйцо. Задумался. Верно ведь: выклюнутся — непременно пропадут одни, без матери. Сколько кругом врагов-то!

Надумал: никакого мне шеночка не надо. Сбегаю в лес, домой, и принесу корзиночку, сложу в неё яйца. Будет у меня двадцать цыплят — жёлтеньких, хорошихеньких. Кормить их буду, уму-разуму учить. Какая уж скука с ними!

— Пик! — пискнуло в одном яйце.

— Пик-пик-пик-пик! — тревожно отозвалось в других.

Боятся одни-то! Надо спешить.

— Не пищите! — крикнул я им. — Живо вернусь, заберу вас к себе домой.

И побежал домой за корзиночкой.

Прибегаю назад — нет в ямке яиц, одни пустые скорлупки лежат! А изо ржи с треском и шумом вырвалась вдруг красивая курочка: серенькая, а на груди шоколадная подковка; взлетела, пала на тропинку и побежала по ней, волоча по земле крылья.

— Знаю я вас! — крикнул я ей. — Не обманешь!

Это была куропатка-мама: куропатки всегда так

притворяются, чтобы отвести человека подальше от своих птенчиков.

— Очень рад, что тебя никто не съел. А одного твоего сынка я всё-таки возьму. У тебя вон их сколько, а я в лесу один.

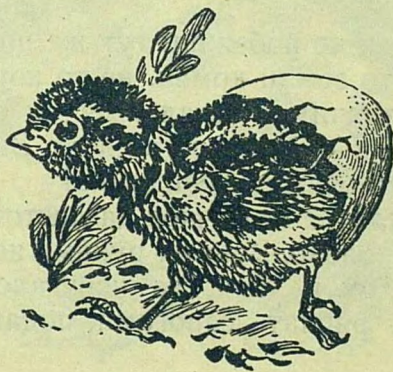
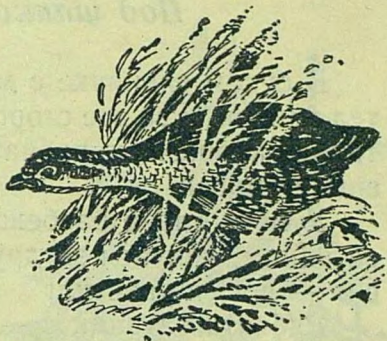
Посмотрел себе под ноги. Птенцов я не увидел, а увидел одно яичко, ещё целое.

Я нагнулся, чтобы взять его. Но яичко вдруг вскочило на ножки и побежало. Я руку отдернул от неожиданности.

Потом кинулся его ловить. Схватил — в руке у меня хрустнула скорлупка. А из-под скорлупки выскочил птенец, шмыгнул в рожь и пропал.

Оказывается, что половина скорлупки прилипла к влажному пуху птенчика. Куропатка-мама ещё не успела склюнуть её с сынка — он так и бегал со скорлупкой на спине. И хоть прямо из яйца, а ловко бегал: в руки не дался.

«Ну, этим птенчикам я не нужен! — решил я. — Боевые ребята. Пойду-ка к себе в лес: там, наверно, найдутся беспризорные птенчики, которые могут пропасть без моей помощи. Пойду помогу им».

Под шапкой-невидимкой

В сухом ельничке с муравьиной кучи свечой взлетел рябчик, и во все стороны с кучи, как шарики, покатились крошечные рябчата. Они были в пуху и летать ещё не могли.

У меня глаза разбежались: кого ловить? Кинулся за одним, кинулся за другим, в третьего шапкой бросил — и всех упустил!

Рябчата затаились — будто шапки-невидимки надели.

«Ладно, — думаю, — ваше счастье, что вы так хорошо умеете прятаться!» — и пошёл поднимать свою шапку.

Глядь, а под ней два рябчика лежат рядышком!

К земле прижались, глазёнки зажмурили, будто они и в самом деле под шапкой-невидимкой.

Я их — цап!

Держу в руках и думаю: «А остальных как найду? Дай-ка я этих двух к тем подпущу: они побегут прятаться к своим — и покажут мне, где они».

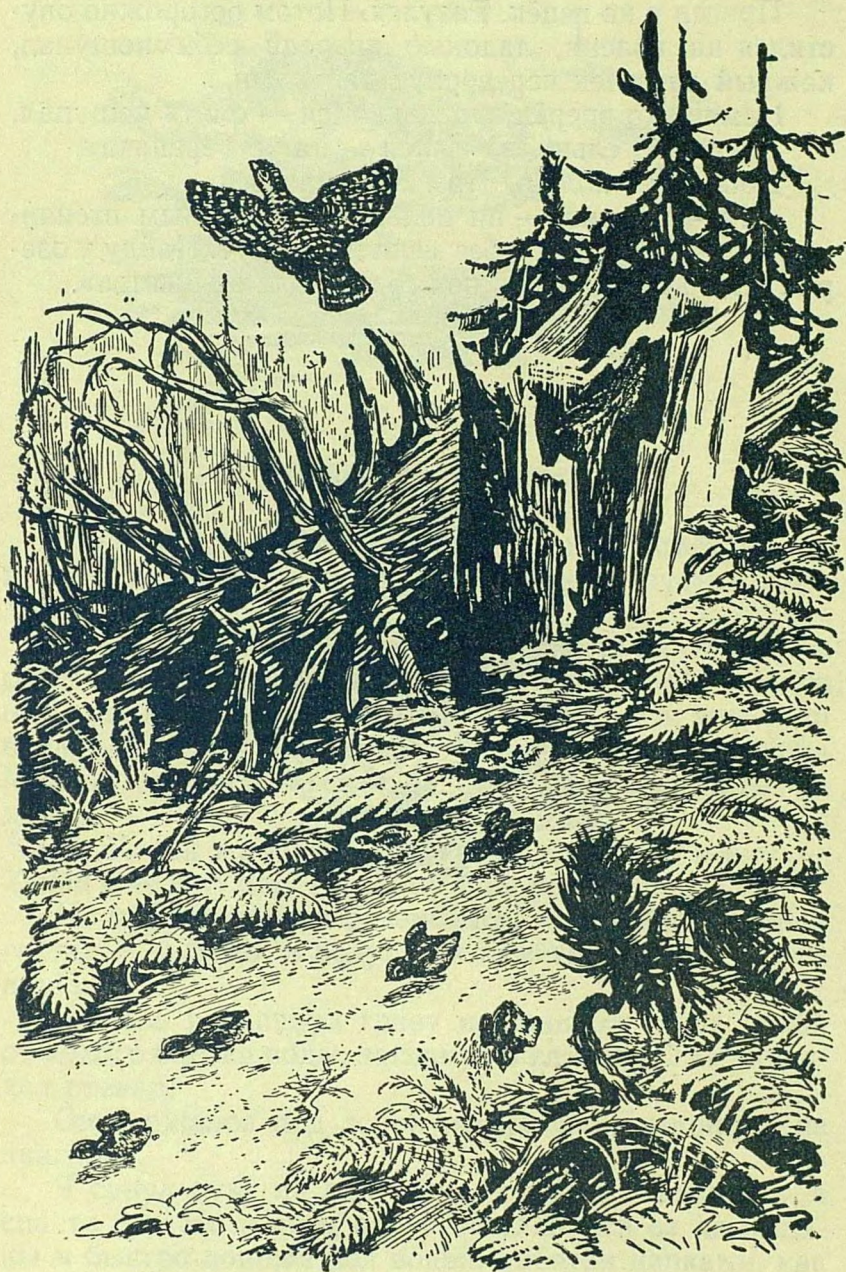
Выпустил одного. Он ножками чик-чик-чик! — отбежал, к земле припал и листиком сухим накрылся, будто его тут и не было! Рукой случайно не тронешь — ни за что не найдёшь! И других рябчиков рядом не видно...

Выпустил и второго. Думаю: «Может, этот покажет?»

А он даже и не побежал: тут же припал к земле и пропал — не то земли комок, не то коры кусок.

Я понял: значит, и остальные так спрятались. Такой пушок у них — защитного цвета. Выходит, не шапка у них, а вся одёжка невидимка!

Что тут делать? Комочков да листочков вокруг меня не счесть сколько. Всех их руками не пересчитаешь! Хотел я уже домой уйти, да испугался. Эдак-то, не видя, я всех рябчат сапогами подавлю... Как тут быть?

Присел я на пенёк. Разулся. Потом осторожно опустился на колени, ладонью впереди себя пощупал, каждый листочек перевернул пальцами...

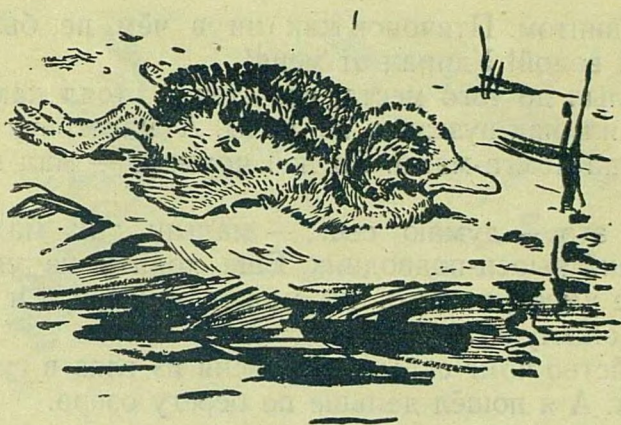
Немногок вперёд передвинулся — опять пощупал.

Да так из ельничка и шёл — на четвереньках.

Дополз до поляны, там стал на ноги.

«Ну, — думаю, — ни полевым, ни лесным птенчикам я не нужен. Эти и без меня проживут. Пойду у озера гнёзд поищу — вон под горой вода виднеется».

Нырец-подводник

Спустился с горки, пошёл по берегу, смотрю — в воде на кочке чомгино гнездо. В гнезде — пустые скорлупки и один птенчик.

Птенчик совсем маленький, не может ни стоять, ни сидеть: лежит себе на пузечке, вытянув вперёд тонкую шейку и беспомощно растопырив лапки. «Уж живой ли он?» — подумал я и перевернул его пальцем на спину. Малыш засучил ножками, сился перевернуться на живот.

— Какой же ты беспомощный! — сказал я ему. — Такой мне и нужен — возьму тебя на обучение.

Но тут птенчик перевернулся, скатился на край гнезда — и бульк в воду! Как камешек, только круги пошли!

Я живо раздвинул траву и, прикрыв глаза рукой от яркого блеска воды, заглянул в глубину. Там я увидел птенца.

Он держался под водой носом за камышину и не двигался.

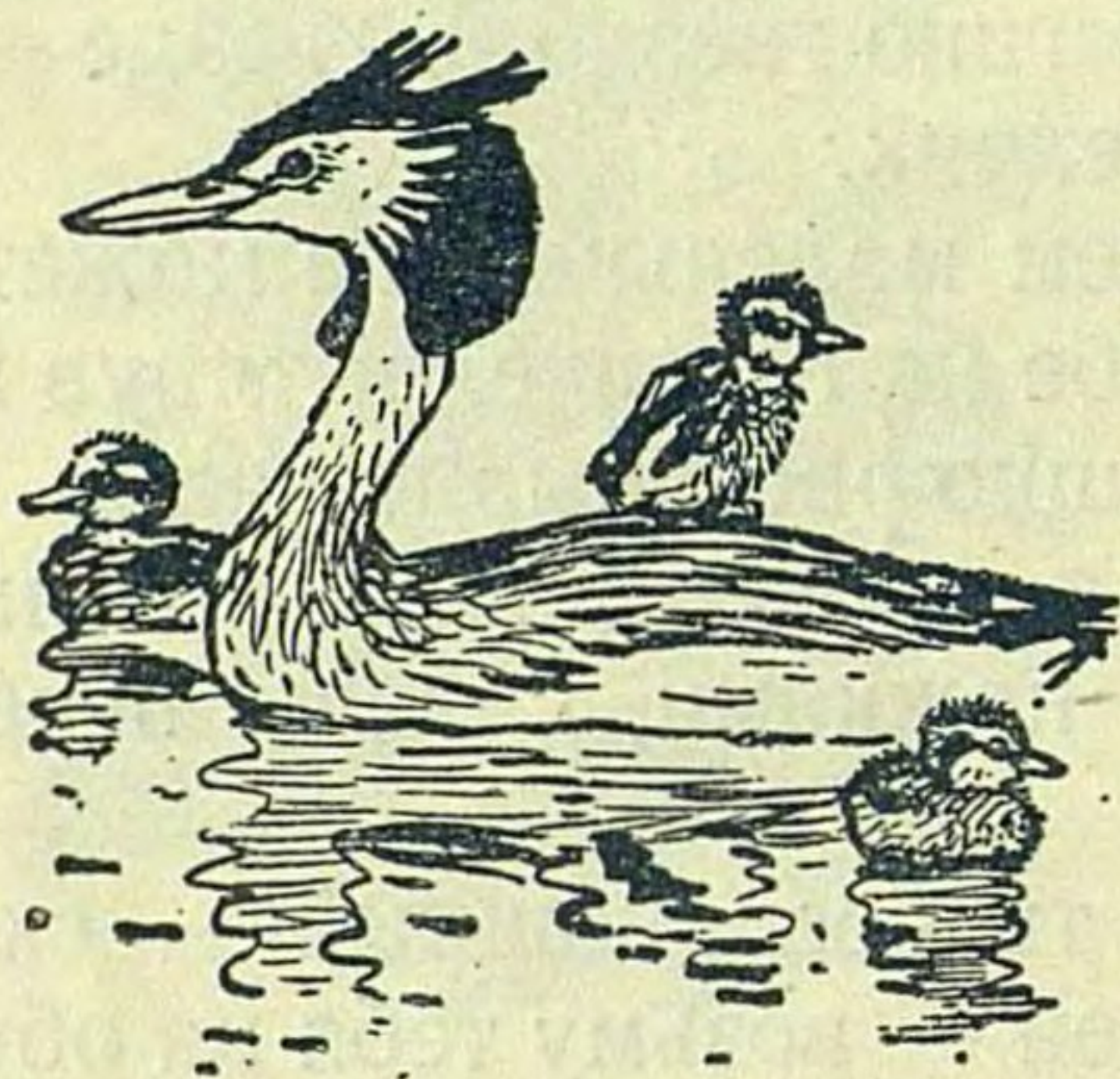
Я сунул руку на дно, чтобы скорей подхватить и спасти его. Но птенец вдруг оттолкнулся от камышины и быстро поплыл под водой, работая лапками, как

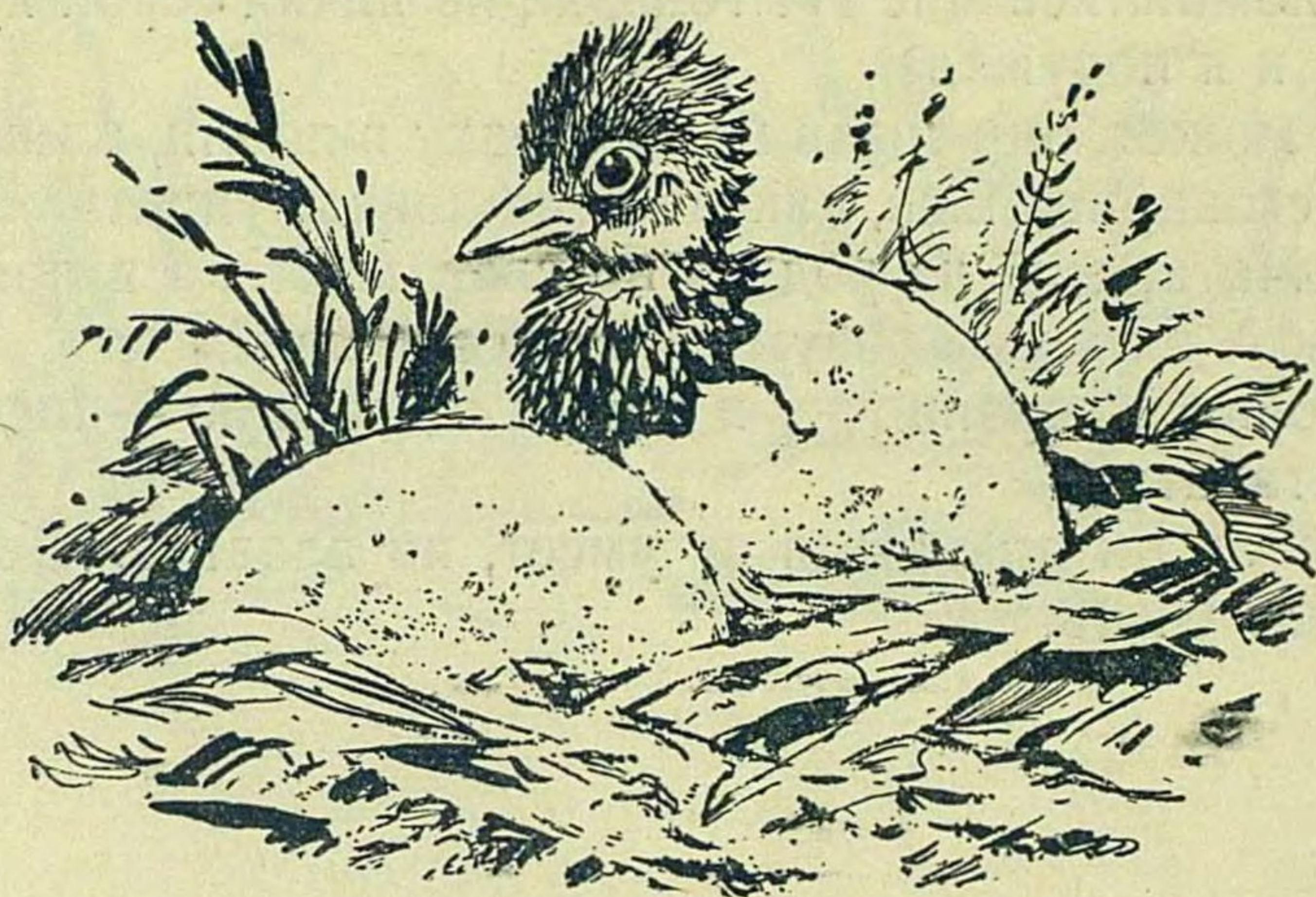
пароход винтом. Птичонок как ни в чём не бывало мчал под водой! Удирал от меня!

Проплыл до того места, где стеной стоял камыш, и выскочил, как пузырьёк, из воды. А навстречу ему из камыша чомга-мама. За ней чомчата — мал мала меньше.

«Вот это, — думаю себе, — малыш так малыш! Настоящий нырец-подводник. Ещё ходить не умеет, стоять не умеет, ползать не может, а нырять и плавать — пожалуйста!»

Семейство чомг скрылось у меня из глаз в густых камышах. А я пошёл дальше по берегу озера.

Чур-чура

Шагаю да шагаю. Вдруг вижу — далеко впереди поднялся с кочки большой журавль и, как-то смешно пригнувшись, убежал в кусты.

Я сразу сообразил, что это журавлиха и что на той кочке у неё гнездо.

Подошёл к кочке — верно: в кочке углубление, и в нём на подстилочке из травы лежат два большущих пятнистых яйца, каждое с мою ладонь. Одно целое, а другое с дыркой наверху. И рядом лежит толстая скорлупка: птенец, видно, сию минуту только сделал себе в яйце окошко.

Я так и замер на месте.

Вдруг из окошка высунулась взъерошенная головёнка на длинной шее. Журавлёнок!

Я наклонился к нему. Моя тень накрыла гнездо. И вдруг — нырк! — журавлёнок исчез в яйце. В гнезде попрежнему лежали два очень крупных яйца: одно целое, другое — с дыркой в скорлупе.

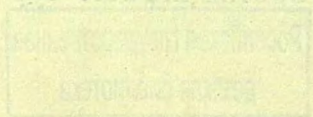
— Вот это здорово! — удивился я. — Не успел ещё на свет родиться, а уж в прятки играет! Чур-чура! Я дома!

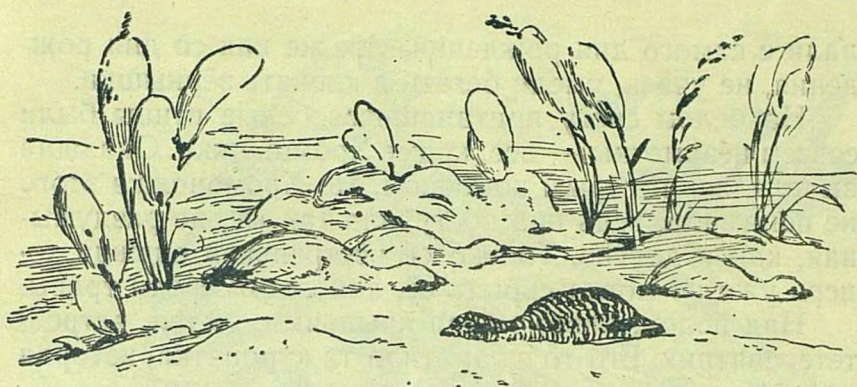
Вспомнились мне тут говорящие яички серой куропатки, и я подумал:

«А может, они тогда не со страху пищали, а между собой сговаривались, как от меня ловчее удрать? Видно, птичата, ещё не родясь на свет, мастера в прятки играть. А я их уму-разуму учить собрался!»

Бросил я корзиночку и пошёл в деревню — щеночка доставать.

Щенок ни прятаться не умеет, ни плавать. Вот и буду его учить.

Г. Скребицкий

ХРОМОНОЖКА

Прежде Хромоножка была такой же проворной, как и другие куропатки, её братья и сёстры. Но как-то в конце лета охотник прострелил ей лапу. С тех пор она бегала приседая, прихрамывая и стала плохо есть. Она заметно похудела. А её братья и сёстры за осень отъелись, выросли и превратились из птенцов во взрослых куропаток. Они были здоровы и отлично себя чувствовали. Пёстрые летние пёрышки у них к зиме сменились белыми, более густыми и тёплыми, как будто они сбросили с себя пёстрые летние платья и оделись в белые зимние шубки. Одна только Хромоножка не сменила свою летнюю одежду. Она была нездорова, слаба, и у неё плохо росли новые пёрышки.

Пришла зима. Кормиться стало труднее, приходилось лапками разгребать снег — отыскивать еду. И вот однажды, когда куропатки кормились в поле, вдруг одна из них, заметив опасность, тревожно закричала и припала к земле. А за ней и остальные прилегли и замерли. Никто не учил их так прятаться, они это де-

ляли с самого дня рождения, так же как со дня рождения, не учась, умели бегать и клевать зёрнышки.

На белом снегу притаившиеся белые птицы были совсем незаметны — все, кроме Хромоножки. Она одна выделялась пёстрым комочком. Но Хромоножка этого не понимала, ведь она поступала так же, не раздумывая, как и другие. Только её пёстренькая одежда теперь уже не могла скрыть её, как летом среди травы.

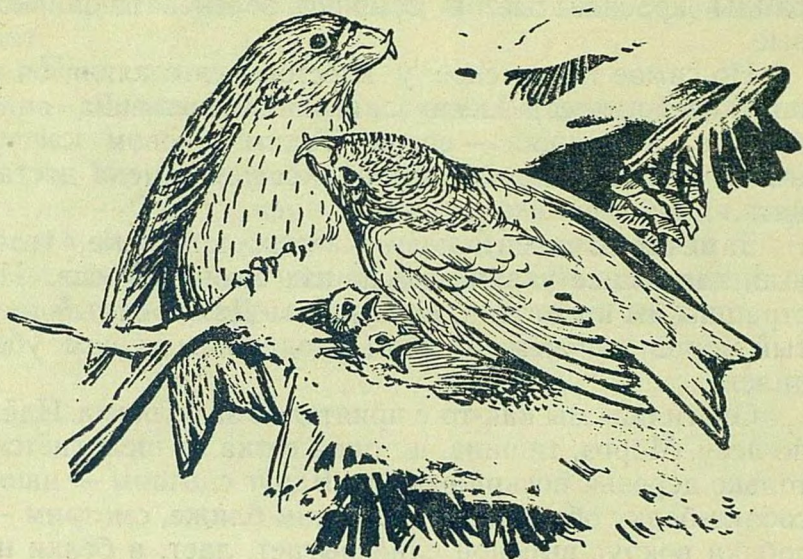
Над полем, часто махая крыльями, летел ястреб-тетеревятник. Его-то и заметила та куропатка, которая первая закричала и припала к земле.

Крылатый разбойник сразу увидел на снегу пёстренькую Хромоножку. Сложив крылья, упал он вниз и вновь поднялся, унося в когтях свою добычу.

Наступил вечер. В косых лучах солнца искрилось снежное поле. Только на бугорке темнела и шевелилась от ветра кучка пёстреньких перьев — всё, что осталось от Хромоножки.

А её братья и сёстры попрежнему разгуливали по белому полю, укрытые от глаз врага в свои шубки-невидимки.

Г. Скребицкий

В ЗИМНЮЮ СТУЖУ

Январь, февраль — месяцы лютого холода. Лёд и снег покрыли землю. Большинство птиц улетели от нас в южные страны, а те, что остались зимовать в наших краях, стараются кто как может пережить это трудное время.

Но есть и такие птицы, которым не страшна стужа.

Вот, например, клесты. Весело перекликаясь, летают они по хмурому зимнему лесу. Рассядутся по верхушкам старых елей, там, где спелые румяные шишки, как груши, висят; рассядутся и примутся из шишек семена вышелушивать.

Клесты очень ловко по веткам лазают. Они лапками и клювом цепляются, совсем как попугайчики. И расцветка у клестов, как у попугайчиков, яркая:

самцы красноватые, а самочки зеленовато-оливковые.

Но самое интересное у клестов — это клюв; он у них крест-накрест изогнут: верхняя половина вниз загнута, а нижняя — вверх. Таким клювом клесту очень удобно у шишек из-под чешуек семена доставать.

Замечательные птички — клесты: красивые, весёлые, настоящее украшение наших зимних лесов. Не страшны им ни метели, ни бураны. Даже самый лютый мороз нипочём. В этом я однажды и сам убедился.

Охотились мы как-то с приятелем за белками. Идём по лесу. Мороз, тишина, ни одна ветка не шелохнётся, только деревья поскрипывают. Вдруг слышим — наша собака белку облаивает. Подходим ближе, смотрим — собака вокруг высокой ели прыгает, лает, а белки не видно. Уж мы и кричали и палкой по дереву стучали, а она притаилась в ветвях, не шевельнётся.

Нечего делать, пришлось на дерево лезть, чтобы белку спугнуть. Полез я, а товарищ внизу стоит, караулит. Лезу я. Вдруг прямо надо мною птичка выпорхнула, закружилась вокруг меня, запищала и прочь не летит.

Что за диво? Заглянул я под ветки, откуда она выпорхнула: там будто голубая снежная пещерка, а в пещерке на суку гнёздышко свито. Смотрю я — и глазам не верю. Копошатся в гнезде четыре крохотных птенчика; копошатся, ротики раскрывают...

Глядя на них, мне даже в шубе холодно стало. Кругом снег, стужа, а они голые — как не замёрзнут?! Я и про белку забыл, скорей вниз полез, чтобы птичку-мать не тревожить — пусть своих птенцов греет. Только стал спускаться, она сразу в голубую пещерку юркнула.

Слез я с дерева и приятелю всё рассказал. А он говорит:

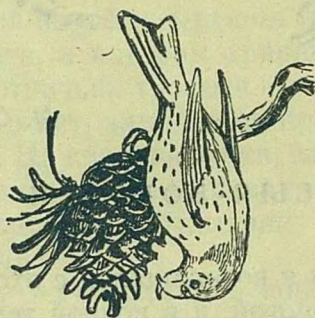
— Это ты гнездо клестов нашёл. В сытый год, ко-

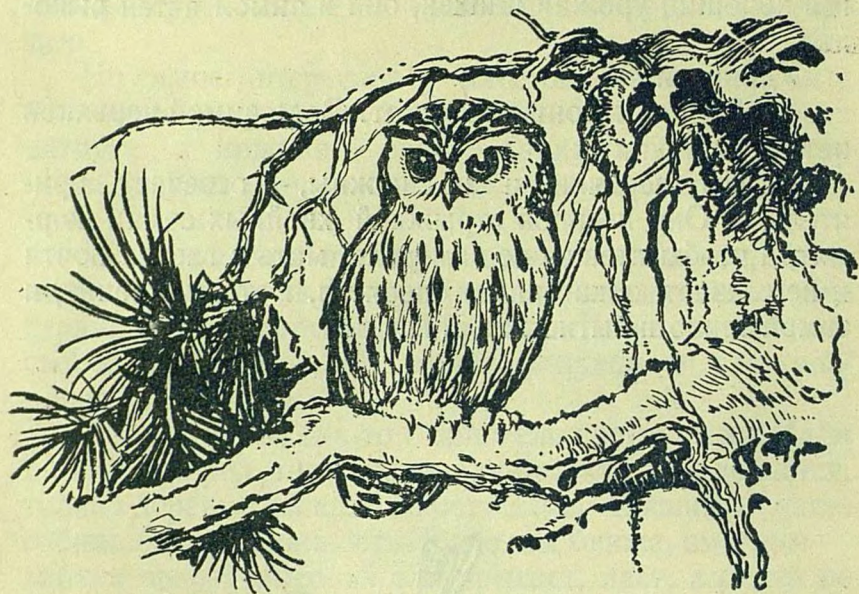
гда хороший урожай шишек, они и зимой детей выводят.

Удивился я:

— Да чем же они их кормят? Ведь зимой червяков нет.

— Им червяки и не нужны, — отвечает приятель. — Они птенцов отрыжкой хвойных семян кормят, а чтобы птенцы не замёрзли, мать с гнезда почти и не слезает, пока они не оперятся. Вот им, значит, и зимой тепло и сытно живётся.

И. Соколов-Микитов

СЫЧ-ВОРОБЕЙ

Ранней весной я возвращался с охоты. Я шёл по лесу знакомой дорогой, и в ночной темноте над моей головой послышался странный негромкий звук. Этот странный звук перемещался — было похоже, что меня настойчиво преследует какая-то ночная неведомая птица. Чтобы приманить птицу, я стал подражать странному звуку. Невидимый провожатый откликнулся.

В тёмном лесу мне не удалось разглядеть таинственного провожатого, и, выйдя на лесную опушку, я остановился. На фоне звёздного неба рисовались чёрные ветви деревьев. Здесь, на краю леса, я надеялся увидеть незнакомую птицу.

Я стоял под деревьями, продолжая тихо манить. Небольшая тёмная тень пролетела над самой головой, бесшумно уселась на ветке. В ночной темноте трудно

точно прицелиться. Я зарядил ружьё мелкой дробью и выстрелил наугад.

После выстрела лес примолк. Я зажёл спичку, стал смотреть под деревьями. На засыпанном опавшей хвоей снегу, раскинув крылья, лежала маленькая серая птичка с круглой совиной головкой.

В подстреленной птичке я признал сыча-воробья. В наших лесах эта птичка встречается редко, а днём её трудно увидеть. Обычно она прячется в дуплах деревьев, а по ночам вылетает на охоту.

Дома я внимательно рассмотрел редкостную добычу. Сыч-воробей был немного больше обыкновенного воробья. Круглой головкой, ушами, острым и крючковатым клювом он напоминал своего большего собрата — обыкновенного лесного сыча.

Из шкурки сыча-воробья я решил сделать чучело для своего кабинета, в котором хранится множество добытых мною охотничьих трофеев.

Через несколько лет, зимой, мне пришлось проходить тем же лесом. На краю вырубки, возле только что срубленной и распиленной на дрова толстой осины, теплился огонёк: грелись и отдыхали знакомые мне колхозники-лесорубы.

— Погляди-ка, — сказали они, прикурив от моей трубочки, — и разгадай загадку...

В верхней части лежавшей на снегу распиленной и расколотой осины лесорубы показали выдолбленное дятлом дупло. Узкое круглое отверстие дупла, как крышей, было прикрыто большим грибом-наростом. В глубине этого покинутого дятлом дупла оказался склад продовольствия. Вытряхнув на снег содержимое, я насчитал шесть мёртвых клестов и одиннадцать замороженных мышей. Я хорошо знал, что многие животные, птицы и звери бережливо прячут свои запасы. Не раз в дуплах и под корнями деревьев мы находили наполненные отборными орехами лесные кладовые бурундуков; сороки и сойки на моих глазах прятали в укромных уголках свою добычу. В подземных кладо-

вых мышей хранятся многолетние запасы старательно высушенного сена и зерна. Обнаруженная лесорубами кладовая принадлежала какому-то хищнику — быть может, имевшему в лесу много таких складов.

Редкая находка очень меня заинтересовала. Кто мог убить и спрятать в птичьем дупле этих клестов и мышей?

Злейший лесной хищник — куница — не могла пролезть в узкое отверстие дупла. Маленькая ласка, промышляющая на земле под корнями, вряд ли решится забраться под крону высокой гладкой осины.

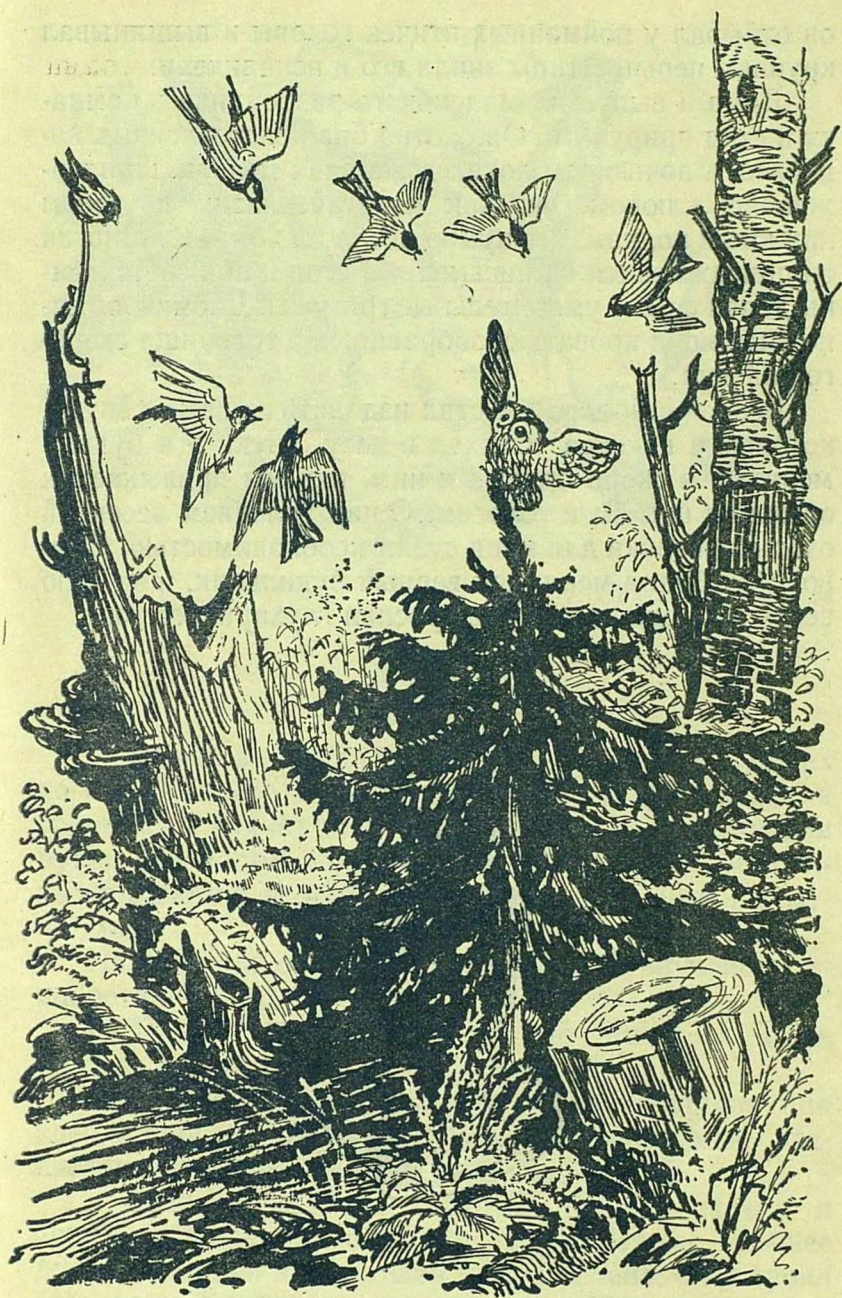
Крепко задумавшись над трудной лесной задачей, я направился через лес к дому. Недалеко от поваленной осины слышались тревожные голоса птиц. Я узнал стрекотанье сорок и хлопотливый крик соек.

Чтобы узнать о причине переполоха, я свернул с дороги и осторожно приблизился к лесной маленькой полянке. На острой еловой макушке сидел сыч-воробей. Множество лесных птиц его осаждало. При дневном свете он казался беспомощным, круглая совиная головка его хохлилась и медленно вращалась. Наверно, ослеплённому дневным светом маленькому ночному разбойнику пришлось бы совсем плохо, но он вдруг расправил крылья и, тихо, бесшумно планируя, нырнул под нижние сучки густой ёлки, почти у моих ног.

«Так вот кто жил в осиновом дупле, охотился и прятал свою добычу!» — подумал я, заглядывая под густую зелёную ёлку.

Не сходя с места, я хорошенько рассмотрел плотно прижавшегося к стволу ёлки сыча-воробья и, осторожно протянув руку, быстро накрыл его шапкой.

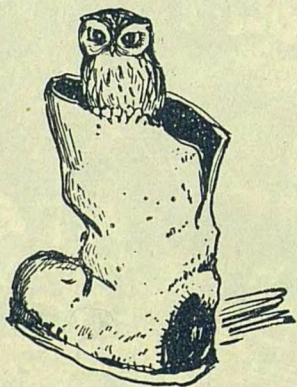
Оказывается, сыча-воробья выгнали на дневной свет лесорубы, свалившие осину, и лесная загадка, которая так занимала меня, сама собой разгадалась. Маленький разбойник приносил и хозяйственно складывал свои продовольственные запасы в дупло осины. На клестов он охотился ночью, хватая спящих птичек на ветвях деревьев и убивая их. Как все хищные совы,

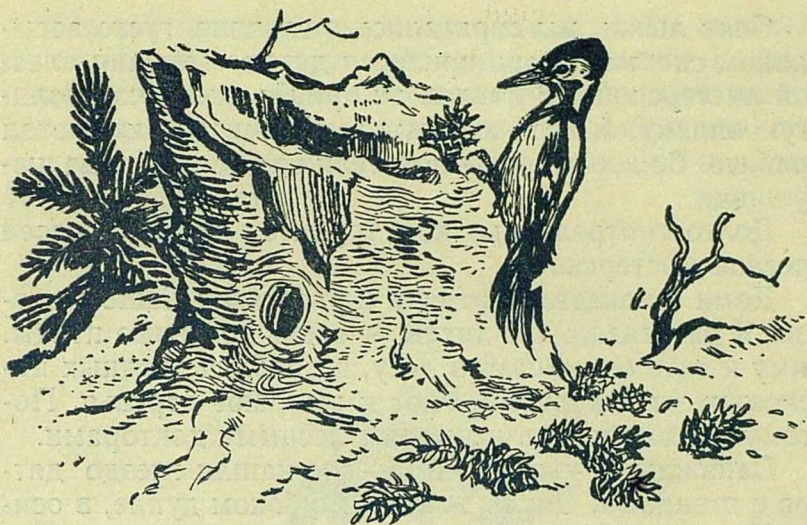

он отрывал у пойманных птичек головы и выщипывал крупные перья. Птицы знали его и ненавидели.

Дома я выпустил маленького разбойника в комнату и стал приручать. Он охотно брал застреленных воробьёв, а ночью сам ловил домашних мышей. Придерживаясь клювом, он, как попугай, лазил по моим книжным полкам, бесшумно летал по комнате. Иногда он присаживался на письменный стол и при свете лампы делал самые уморительные гримасы. Днём он обычно сидел под кроватью, забравшись в голенище старого валенка.

Весной сыч-воробей стал издавать те самые звуки, которые я некогда услышал в лесу. Звуки эти будили меня, но я скоро привык к ним, как мы привыкаем к обычным шумам и голосам. С наступлением весенней охоты эти звуки для меня стали необходимостью. Сыч-воробей будил меня, как верный будильник, и за всю весну я ни одного разу не проспал глухариного тока.

И. Соколов-Микитов

ДЯТЛЫ

Это было в ясный зимний день. Мы шли на лыжах по украшенному снежной нависью лесу. Над нашими головами в сучках деревьев возились и попискивали пухлые на морозе синички; на вершинах елей, осыпанных шишками, пересвистывались клесты. Долбил глухо дятел.

На засыпанной снегом тропинке мой внучонок Саша остановился:

— Посмотри-ка, дедушка, кто насыпал здесь столько шишек?

Мы подошли к высокому пню. В развалине пня крепко торчала одна еловая шишка. Множество расклёванных шишек лежало внизу, на сугробе.

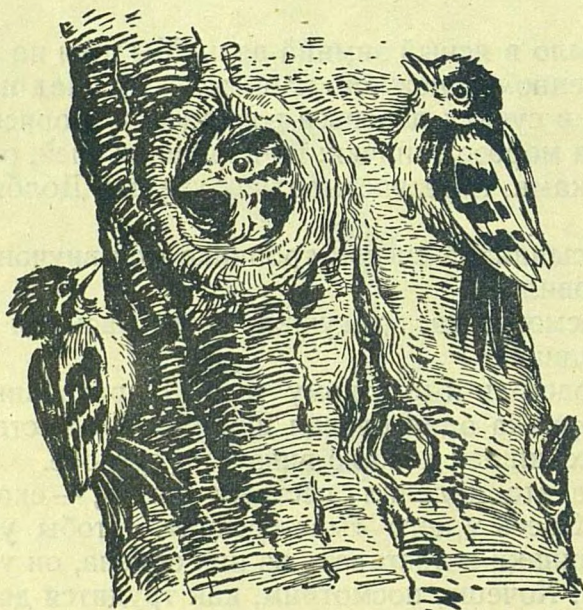
— Все это наделал пёстрый дятел, — сказал я внуку. — Здесь у него «мастерская». Чтобы удобнее долбить шишки и доставать из них семена, он устроил «верстак». Хочешь, посмотрим, как трудится дятел?

Сняв лыжи, мы спрятались в ельнике, густо засыпанном снегом. Скоро прилетел дятел — хозяин «лесной мастерской». В лапках он принёс тяжёлую смолистую шишку, быстро вправил в свой «верстак» и стал долбить. Во все стороны полетели на снег отбитые шелушинки.

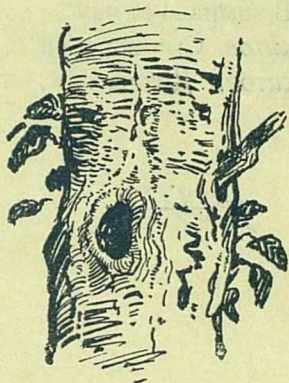
Долго смотрели мы, как трудится дятел в своей «лесной мастерской».

Дома я показал картинки и рассказал Саше о дятлах. Я рассказал, что дятлы — очень полезные птицы. Зимой и летом они живут в лесу, истребляя вредных насекомых, от которых болеют и умирают деревья. Поэтому дятлов иногда называют лесными докторами.

Однажды — уже весной — мы нашли гнездо дятлов с птенцами. Дятлы жили в глубоком дупле, в осине. Когда старые птицы подлетали к гнезду, птенцы поднимали громкий крик и высовывали из дупла свои длинноносые головы.

Но вот пришло время, и молодые дятлы вылетели из гнезда. Мы услышали их отчаянный крик и стали осторожно подходить. Молодые оперившиеся птенцы сидели вокруг родного дупла на деревьях и изо всех сил кричали. Наверно, им было страшно покидать тёплое родное дупло.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вит. Бианки. Плавунчик</i>	3
<i>Н. Сладков. Птенцы-хитрецы</i>	9
<i>Г. Скребицкий. Хромоножка</i>	19
<i>Г. Скребицкий. В зимнюю стужу</i>	21
<i>И. Соколов-Микитов. Сыч-воробей</i>	24
<i>И. Соколов-Микитов. Дятлы</i>	29

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

ПРО ПТИЦ

Сборник рассказов

Ответственный редактор Г. А. Иванова. Художественный редактор О. В. Демидова.
Технический редактор В. А. Голубева. Корректоры Т. П. Лейзерович и
Е. Н. Трушковская.
Подписано к печати 25/1 1956 г. Формат 60×92¹/₁₆ — 2 печ. л. (1,24 уч.-изд. л.).
Тираж 400 000 экз. А00659. Заказ № 1560. Цена 45 коп.
Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцевский вал, 49.

Цена 45 коп.

КНИЖНАЯ
ИЛЛЮСТРАЦИЯ
СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

МУЗЕЙ ДЕТСКИХ КНИГ DJVU/PDF

SHEVA.SPB.RU/BIB